

ОДИССЕЙ

2006

2006 * ОДИССЕЙ

Феодализм перед судом
историков

«Устранение необоснованного
многообразия»...

Майстер Экхарт
и Григорий Палама

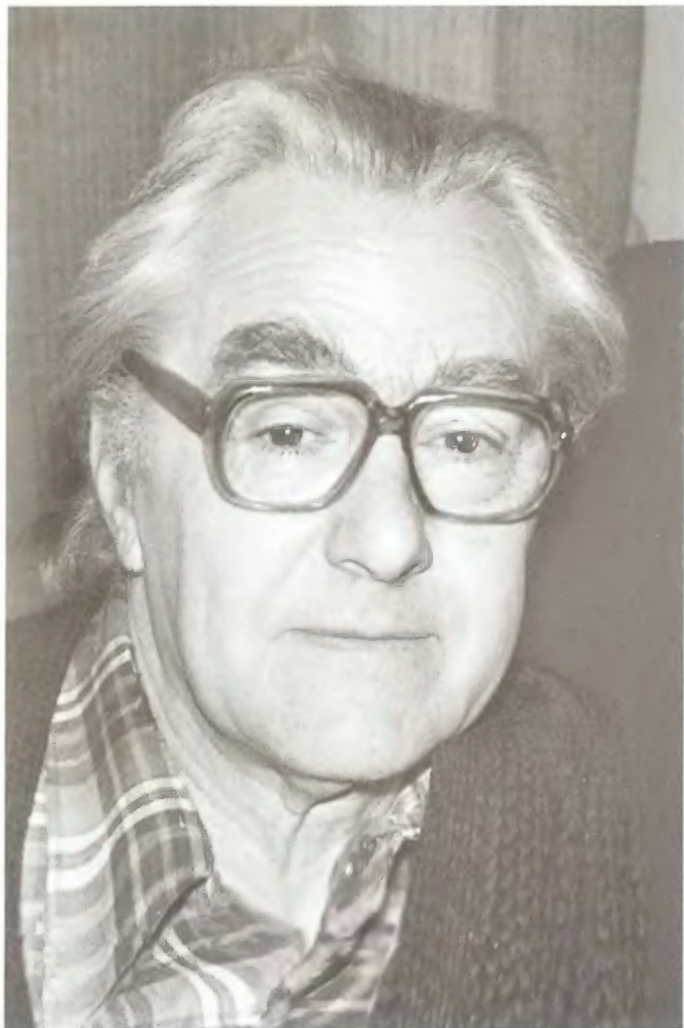
Семиотика «дедовщины»

Житие Святого Патрика: взгляд
из VII века

Культ Фрейра в Швеции

НАУКА

Арон Яковлевич
ГУРЕВИЧ
(1924–2006)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Feudalism
on Historians' Trial*

2006

MOSCOW NAUKA 2006

ОДИССЕЙ

Человек в истории

Феодализм
перед судом историков

2006

МОСКВА НАУКА 2006

Издание основано в 1989 году

Главный редактор **А.Я. ГУРЕВИЧ**

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции **И.Г. ГАЛКОВА**

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

доктор исторических наук **С.Г. КАРПЮК,**
кандидат исторических наук **А.С. КЛЕМЕШОВ**

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989. –

2006 : Феодализм перед судом историков [гл. ред. А.Я. Гуревич]. – 2006. – 493 с. – ISBN 5-02-034005-7.

Главная тема выпуска – концепция феодализма с точки зрения современной исторической науки. Публикуются статьи по истории этого понятия и сравнительно-исторические исследования, в том числе А.Я. Гуревича “О средневековой крестьянской цивилизации”. В разделе “Культурная история социального” анализируются социальные аспекты нормирования языка в Германии; феномен насилия в российской армии рассматривается сквозь призму семиотического подхода. Внимание читателей привлекут статья о европейскости России и публикации “Жития святого Патрика” и “Пряди об Эгмунте Битом”.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Темплан 2006-1-307

ISBN 5-02-034005-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и Издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ

<i>П.Ю. Уваров</i> В ПОИСКАХ ФЕОДАЛИЗМА	5
<i>А.Я. Гуревич</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ, ИЛИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	11
<i>И.В. Дубровский</i> КАК Я ПОНИМАЮ ФЕОДАЛИЗМ	50
<i>Л.А. Пименова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ФЕОДАЛЬНОМ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.	63
<i>А. Герро</i> ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	77
<i>Н.А. Селунская</i> “СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”, ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ РЕЙНОЛЬДС”	114
<i>П.В. Лукин</i> ПРАЗДНИК, ПИР И ВЕЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.....	134
<i>П.С. Стефанович</i> БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	151
<i>В.Я. Петрухин</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	161
<i>П.Ю. Уваров</i> ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ	171
<i>А.Я. Гуревич</i> POST SCRIPTUM: PEASANT SOCIETY И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ	184

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО*И.Е. Суриков*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ	201
--	-----

К.А. Левинсон

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО МНОГООБРАЗИЯ”: НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ XIX В. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ	221
--	-----

К.Л. Банников

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”: СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА	261
---	-----

А.Г. Левинсон

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ	279
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*М.Ю. Реутин*

МАЙСТЕР ЭХХАРТ – ГРИГОРИЙ ПАЛАМА (К СОПОСТАВЛЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ МИСТИКИ И ВИЗАНТИЙСКОГО ИСИХАЗМА).....	285
---	-----

С.И. Лучицкая

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	319
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ*Г.В. Бондаренко*

МУРЬХУ МОККУ МАХТЕНИ: ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯТОСТИ	351
--	-----

Мурьху мокку Махтени

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (перевод Г.В. Бондаренко и С.В. Шкунаева, комментарии Г.В. Бондаренко)	363
--	-----

Е.А. Гуревич

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ. “ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ ИГУННАРЕ ПОПОЛАМ” (перевод, комментарии и статья Е.А. Гуревич)	390
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?.....	420
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Л.П. Лаптева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004 .....</i>	444
---	-----

ЮБИЛЕИ.....	458
-------------	-----

К СТОЛЕТИЮ Леонида Ефимовича ПИНСКОГО	458
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ.....	469
---------------------	-----

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005).....	469
---	-----

Владимир Николаевич ТОПОРОВ (1928–2005)	471
---	-----

Елеазар Моисеевич МЕЛЕТИНСКИЙ (1918–2005).....	478
--	-----

Арон Яковлевич ГУРЕВИЧ (1924–2006)	480
--	-----

SUMMARIES	481
-----------------	-----

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	487
----------------------------	-----

CONTENTS

FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL

<i>P.Yu. Uvarov</i> IN SEARCH OF FEUDALISM.....	5
<i>A.Ya. Gurevich</i> FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL, OR MEDIAEVAL PEASANT CIVILISATION REVISITED.....	11
<i>I.V. Dubrovsky</i> MY PERCEPTION OF FEUDALISM	50
<i>L.A. Pimenova</i> THE DELIBERATIONS ON THE "FEUDAL" IN THE 18TH CENTURY PRE-REVOLUTIONARY FRANCE	63
<i>A. Guerreau</i> FIEF, FEUDALITY, FEUDALISM. SOCIAL ORDER AND HISTORICAL THOUGHT	77
<i>N.A. Selunskaya</i> "SIGNORIA, COMMUNES AND VASSALAGE OF THE BASE-BORN PEOPLE", OR "ASSUMPTION OF S. REYNOLDS' INNOCENCE"	114
<i>P.V. Lukin</i> FESTIVAL, FEAST AND VECH: ON SOME ARCHAIC FEATURES OF WESTERN AND EASTERN SLAVS' SOCIAL ORDER	134
<i>P.S. Stephanovich</i> THE BOYARS' SERVICE IN MEDIAEVAL RUS'	151
<i>V.Ya. Petrukhin</i> FEUDALISM ON TRIAL OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	161
<i>P.Yu. Uvarov</i> FEUDALISM IN THE 21ST CENTURY	171
<i>A.Ya. Gurevich</i> POST SCRIPTUM: "PEASANT SOCIETY" AND PROFESSOR CHRIS WICKHAM	184

CULTURAL HISTORY OF THE SOCIAL

<i>I.E. Surikov</i> THE LEGISLATIVE REFORMS OF DRAKON AND SOLON: RELIGION, LAW AND THE FORMATION OF ATHENIAN CITIZEN COMMUNITY	201
--	-----

K.A. Levinson

“THE REMOVAL OF THE UNFOUNDED VARIETY”: LANGUAGE NORM
SETTING IN THE 19TH CENTURY GERMANY AND ITS SOCIO-
CULTURAL CONTEXT 221

K.L. Bannikov

QUIA ABSURDUM: THE SEMIOTICS OF VIOLENCE IN THE
METAMORPHOSES OF SOCIOGENESIS 261

A.G. Levinson

THE STATE ORDER FOR *DEDOVSHINA*. A BRIEF REMARK 279

COMPARATIVE HISTORY

M.Yu. Reutin

MEISTER ECKHART AND GREGORY PALAMAS. ON THE SIMILARITY
BETWEEN THE THEOLOGICAL TEACHINGS OF GERMAN MYSTICISM
AND BYZANTINE HESYCHASM 285

S.I. Luchitskaya

CHRISTIAN-MUSLIM IMAGOLOGICAL POLEMICS IN THE TIME OF THE
CRUSADES 319

PUBLICATIONS

G.V. Bondarenko

MUIRCHÚ MOCCU MACHTHENI: CONVERSION TO CHRISTIANITY IN
EARLY IRELAND AND THE BIRTH OF NATIONAL SAINTHOOD 351

Muirchú moccu Machtheni

THE LIFE OF SAINT PATRICK (*translated by G.V. Bondarenko, S.V. Shkunaev,*
notes by G.V. Bondarenko) 363

Ye.A. Gurevich

FREYR'S CULT IN SWEDEN. “THE STORY OF EGMUND THE BEATEN
AND GUNNAR HALF-AND-HALF” (*translation and notes by Ye.A. Gurevich*) 390

HISTORY OF RUSSIA: *QUO VADIS?*

B.N. Mironov

A DISCOURSE ON EUROPEAN FEATURES OF RUSSIA, OR THE
CONSTRUCTION OF EUROPE: EUROPE WITH RUSSIA OR WITHOUT?.... 420

BOOK REVIEWS

L.P. Lapteva

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HUMANITARIAN *INTELLEGEN-*
CIA'S TRAGEDY

<i>M.A. Robinson. The Fortunes of Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930-s). Moscow, 2004 .....</i>	444
ANNIVERSARIES	458
The 100th Anniversary of Leonid Efimovich PINSKY	458
IN MEMORIAM.....	469
Mikhail Leonovich GASPAROV (1935–2005).....	469
Vladimir Nikolaevich TOPOROV (1928–2005)	471
Yeleazar Moiseevich MELETINSKY (1918–2005).....	478
Aron Yakovlevich GUREVICH (1924–2006).....	480
SUMMARIES	481
SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....	487

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?

С большим интересом ознакомился с соображениями и замечаниями коллег из соседнего цеха, высказанными о моей книге “Социальная история России”. «На сей раз, – говорит организатор обсуждения А.Я. Гуревич, – ее содержание рассматривают специалисты по всеобщей истории. Взгляд “извне” и взгляд “изнутри” по необходимости неодинаковы. Проблемы социальной истории России с конца XVII в. и вплоть до 1917 г. оказываются при подходе “извне” включенными в более обширный, глобальный контекст и становятся предметом сравнительного анализа». Пять экспертов, занимающихся разными проблемами, периодами и странами, все-сторонне, заинтересованно и уважительно к моей точке зрения дискутировали по затронутым в книге вопросам. Амплитуда мнений по предложенной концепции широка – от несогласия до почти полного согласия – такая же, как и среди русистов, обсуждавших “Социальную историю России” раньше. Дискуссию открыла И.М. Супоницкая. Моя концепция ей не показалась достаточно аргументированной, но, как ни странно, свои возражения против нее она черпала главным образом из моей же монографии. Рецензенту кажется, что выводы книги противоречат ее содержанию, причем не какие-то отдельные, частные выводы, а все и по всем проблемам: “Превосходный материал зачастую противоречит авторской концепции” (с. 389)¹. “Автор постоянно стремится показать наличие социальной динамики, хотя факты чаще свидетельствуют о статике” (с. 383). “Он видит лишь количественные различия между Россией и Западом и не хочет замечать качественных, которые сам отчетливо показал” (с. 388). Положение о противоречии между выводами и конкретным содержанием монографии – лейт-мотив рецензии.

И пришлось уважаемой И.М. Супоницкой по необходимости делать за меня выводы, которые, как ей кажется, логично вытекают из моего исследования. На самом деле ее выводы – не что иное как расхожие клише о России, уже более 100 лет существующие в оте-

чественной и зарубежной историографии, которые рецензент полностью разделяет. Здесь и угнетение нерусских, и коррумпированная бюрократия, и отсутствие местного самоуправления, и неправовой характер российской государственности от Петра до 1917 г. и т.д. и т.п.

Между тем в книге я всесторонне обсуждаю каждый такой стереотип, привожу аргументы за и против, взвешиваю и делаю вывод, как правило, не в его пользу. Однако рецензент в тексте видит только то, что соответствует ее представлениям, и совершенно не замечает того, что им противоречит. И вера ее феноменально крепка: книга объемом в 110 а.л., в которой она находит некоторые достоинства – знание историографии, современную методологию, широкий круг источников, – не поколебала ее исторических представлений о России ни на йоту. Трудно дискутировать с рецензентом, если новых аргументов у нее, как правило, нет, а в тех редких случаях, когда они приводятся, их доказательствами считать невозможно. Например, не соглашаясь с моим выводом о том, что богатые природные ресурсы России не объясняют особенностей ее социального и политического строя, в качестве аргументов И.М. Супоницкая приводит мнения двух экспертов: 1) А. Илларионова, высказанное в газетной статье, о том, что высокие мировые цены на нефть сопровождаются сворачиванием реформ в России, тогда как низкие цены их стимулируют; 2) дореволюционного историка и публициста Н.М. Ядринцева о том, что открытие золота в Сибири пагубно сказалось на хозяйстве края: другие отрасли были свернуты; людские ресурсы, и без того небольшие, стекались на прииски (с. 379). Как советник президента, так и сибирский областник Н.М. Ядринцев – люди, политически ангажированные самим своим положением, к тому же говорят они о текущем моменте, а не о социологической закономерности, которую я пытаюсь постичь.

«Вызывает недоумение, – пишет уважаемый оппонент, – оценка национальной политики Российской империи “толерантной” до 1830 г. Он пытается убедить читателя в том, что русское правительство даже “создавало некоторые преимущества в правовом отношении для нерусских”» (с. 380). Те многочисленные сведения, которые на сей счет приведены в книге, как видно, рецензента не убедили. Привожу новые.

Поддержка такого положения в империи, чтобы материальный уровень жизни нерусских, проживавших в национальных окраинах, был по возможности выше, чтобы нерусские народы всегда платили меньшие налоги и пользовались льготами, всегда являлось составной частью национальной политики российского правительства (табл. 1).

Таблица 1

Прямые налоги русских и нерусских в XVIII в.
(в коп. с души мужского пола)

	1725–1760 гг.	1761–1782 гг.	1783–1793 гг.	1794–1796 гг.
Русские*	110	270	370	400
Украинцы*	–	85–100	70–120	100–120
Белорусы*	–	55	170	200
Иноверцы, кроме евреев*	40	40	40	40
Евреи	–	100	120–170	240–370

* Государственные крестьяне
 Источник: Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб.: Сенатская типография, 1906. С. 122–123.

В XVIII в. львиная доля нерусских по социальному положению принадлежала к государственным крестьянам, чьим хозяином была казна, а с точки зрения самих людей – российский император. Не случайно именно в этой группе наблюдались наибольшие послабления в налогообложении, которые до 1794 г. даже нарастали: налог с “иноверцев” был меньше, чем с русских в 1725 г. в 2,75 раза, а в конце века – в 10 раз. Подобное положение сохранялось до конца периода империи, хотя в XIX в., особенно с 60-х годов, налогообложение постепенно унифицировалось. В 1886–1895 гг. прямой налог на душу среди русского населения составлял 1,91 р., а среди нерусского населения – 1,22 р., или на 59% меньше.

Определить роль Российской империи в развитии народов, входивших в ее состав, действительно нелегко, поскольку каждый из более чем 200 этносов в чем-то выиграл, а в чем-то проиграл. В такой ситуации было бы целесообразным учесть баланс плюсов и минусов для каждого этноса. К сожалению, из-за отсутствия соответствующих данных подобные индивидуальные оценки для всех этносов в настоящее время (и думаю в будущем) невозможны. Но если бы мы даже ими располагали, все равно потребовалось бы 200 оценок как-то обобщить. Позволю сделать достаточно грубую и, естественно, приблизительную оценку положения русских и 13 нерусских народов (на долю первых приходилось 44,6%, на долю вторых – 40,3% всего населения империи) по отдельности и в целом на 1897 год. Расчет приурочивается к году всеобщей переписи, из которой взяты необходимые данные, и основывается на измерении баланса плюсов и минусов.

В настоящее время ООН для измерения качества жизни населения использует так называемый *индекс человеческого развития*,

или индекс развития человеческого потенциала (Human Development Index). Он включает три показателя: 1) индекс ожидаемой продолжительности жизни при рождении; 2) индекс образования (процент грамотности и доля детей школьного возраста, посещающих школу); 3) и индекс производства (валовой внутренний продукт на душу населения). Каждый показатель принимает значение от 0 до 1, индекс человеческого развития равен их среднему арифметическому. Результаты расчетов приведены в табл. 2. Вследствие отсутствия сведений о валовом внутреннем продукте на душу населения по этносам, я воспользовался данными о государственном доходе на душу населения. По этой причине полученные мною индексы нельзя сравнивать с индексами ООН, но они вполне сравнимы между собой.

Индекс человеческого развития для русских равен 0,247, для нерусских (взвешенный на доле каждого этноса) – 0,301, или на 22% выше. Следовательно, и положение нерусских в целом было предпочтительнее, чем русских. Из 14 народов, для которых имеются данные для подсчета индекса человеческого развития у восьми: евреев, латышей, литовцев, поляков, украинцев, финнов, эстонцев и немцев – индекс был выше, чем у русских, а у пяти: башкир, белорусов, молдаван, татар, чувашей – ниже. У поляков, как у тех, которые проживали собственно в Польше (0,354), так и тех, кто проживал собственно в России (0,315), индекс человеческого развития был выше, чем у русских. То же самое наблюдалось у финнов, проживавших в Финляндии (0,620) и в России (0,762). Из приведенных данных следует, что у тех этносов, у которых до присоединения индекс человеческого развития был выше, он и сохранился таким же, а у тех, у кого был ниже, остался ниже. Таким образом, незаметно, чтобы русские эксплуатировали нерусских.

А как оценить существование черты оседлости? – иронически спрашивает И.М. Супоницкая, справедливо считая это важным критерием оценки положения евреев в империи. На этот вопрос очень убедительно ответил один из рецензентов, А.Б. Каменский: «Совершенно очевидно, что черта оседлости воспринимается нами сегодня, как, впрочем, воспринималась она уже в конце XIX – начале XX в., в качестве откровенно дискриминационной меры в отношении еврейского населения, хотя бы потому, что свобода передвижения – несомненно, один из важнейших признаков гражданского, открытого общества, как мы сегодня его понимаем. Однако нельзя не учитывать и того, что, как показано новейшими исследованиями этой темы, при установлении черты оседлости власть руководствовалась вовсе не антисемитскими побуждениями, а неспособностью втиснуть еврейскую общину в рамки старательно создаваемой ею в России сословной структуры европейского типа. Причем, как ни пара-

Таблица 2

Индекс человеческого развития 14 этносов России в 1897 г.

	Средняя продолжительность жизни, лет	Средняя грамотность, %	Средние государственные доходы, коп. на д.н.	Индекс продолжительности жизни	Индекс грамотности	Индекс производства	Индекс человеческого развития
Русские	28,7	29,3	1092	0,061	0,293	0,388	0,247
Чуваши	31,0	9,8	469	0,100	0,098	0,095	0,098
Татары	34,9	16,4	469	0,164	0,164	0,153	0,160
Белорусы	36,2	20,3	442	0,186	0,203	0,137	0,175
Украинцы	38,1	18,9	929	0,218	0,189	0,343	0,250
Евреи	39,0	41,4	849	0,233	0,414	0,318	0,322
Башкиры	37,3	18,5	316	0,204	0,185	0,044	0,144
Молдаване	40,5	8,8	460	0,258	0,088	0,148	0,165
Поляки	41,0	41,8	991	0,267	0,418	0,361	0,349
Литовцы	41,8	48,4	1278	0,279	0,484	0,432	0,398
Немцы	45,0	78,5	1331	0,333	0,785	0,443	0,520
Эстонцы	43,1	94,1	1753	0,302	0,941	0,519	0,587
Финны	44,3	98,3	2377	0,321	0,983	0,604	0,636
Латыши	45,0	85	1278	0,333	0,850	0,432	0,538
В среднем для этносов	1432,4	27,7	937	0,123	0,277	0,345	0,248

Подсчитано по: *Антропов П.А.* Финансово-статистический атлас России. СПб., 1898. Табл. 1; *Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.* СПб., 1905. Т. 2. С. 2-91, 134-175; *Птуха М.* *Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века.* Киев, 1928. С. 36-43 и др.

доксально это звучит, именно черта оседлости в значительной мере способствовала сохранению традиционного образа жизни и соответственно национальной идентичности российских евреев» (с. 417).

И.М. Супоницкая убеждена, что не может быть ни социальной динамики, ни модернизации при крепостном праве по определению (с. 382). «Если самоуправление – повинность и обязанность, – уверена она, – то это не самоуправление в современном понимании» (с. 384). А если самоуправление – и право, и обязанность? Если ребенок чистит зубы иногда по желанию, иногда по принуждению, значит, это не гигиена? Россия не была оригинальной в этом отношении, например, в некоторых германских государствах XVIII – первой половины XIX в. также действовала государственная концепция самоуправления (кстати, в современных европейских странах местное самоуправление все более переходит от общественной к государственной концепции)². Однако и при господстве общественной концепции местного самоуправления обязанность в нем участвовать также существует, но по обычаю, как неписаная норма, и уклонение от нее наказывается общественным мнением.

«В обществе, не перешедшем от обычного права к законодательному, – утверждает И.М. Супоницкая, – едва ли могло возобладать главенство закона» (с. 385). А как быть с Великобританией, где до сих пор обычное право играет существенную роль в общественной жизни и где нет писаной конституции? Что делать с так называемым конституционным обычаем (правилом, не санкционированным нормами государственного права, но применяемым в управлении – в Индии, Канаде, США и др. Точка зрения, согласно которой обычное право регулировало жизнь людей в традиционных (бесписьменных) обществах и правом в полном смысле не считалось, в настоящее время пересмотрена. На Западе получила признание концепция правового плюрализма, в соответствии с которой индивид даже в современных развитых демократических странах является субъектом не только государственного правового регулирования, но и обычного правового. Это прежде всего относится к этническим диаспорам, различного рода субкультурам (молодежным, криминальным, религиозным и т.д.), фирмам и учреждениям. Будучи членом этнической, субкультурной, профессиональной группы, семьи и т.д. он подчиняет свое поведение сложившимся в них неформальным предписаниям, несоблюдение которых предполагает те или иные принудительные санкции со стороны соответствующего коллектива³.

Оппонент не допускает мысли о возможности развития российской бюрократии по веберовскому сценарию к рациональной бюрократии до середины XIX в., потому что «рациональные отношения в обществе, в том числе среди чиновничества, формируются вместе с

рыночными отношениями, каковые в России при господстве натурального хозяйства не могли появиться ни в XVIII в., ни в первой половине XIX в.” (с. 386). Даже если М. Вебер прав, то следует иметь в виду, что российская экономика уже в конце XVIII в. не была натуральной: товарность сельского хозяйства составляла около 9–12%, а в середине XIX в. – 17–18% от чистого сбора земледельческих продуктов⁴. Считается, что современная рациональная бюрократия возникла вместе с капитализмом. Но весь капитализм не родился за шесть дней. И бюрократия прошла долгий путь развития, прежде чем стала современной. Элементы рациональных отношений можно отметить до наступления капитализма среди и французских легистов, и испанских летрадос, и китайских чиновников. Почему *элементы* рациональности не могли появиться в отношениях между русскими чиновниками до победы капитализма? Только потому, что они русские!?

Мои аргументы о возможности непрерывных социальных изменений в России в XVII – первой половине XIX в., в условиях крепостничества, рецензента не убедили. Но что делать с остальной Европой, где при крепостном праве социальная динамика в сторону развития гражданского общества и правового государства происходила, или с США, где аналогичные социальные изменения наблюдались и при широком господстве рабства? Получается, что Россия – это страна и народ без истории. Это же совершенно алогично.

Почему И.М. Супоницкая категорически отторгает даже возможность зарождения институтов нормального европейского общества в России: элементов самоуправления, гражданского общества и правового государства? Могу только предположить, что рецензенту мешают стереотипы. Когда они не мешают, новая информация воспринимается спокойнее.

Например, Л.М. Баткин в противоположность И.М. Супоницкой главное достоинство книги видит в том, что “Миронов возвращает России ее историю” (с. 394). С ним солидарна М.Ю. Парамонова, констатируя, что “тезис о глубоких и очевидных изменениях русского общества в течение указанного периода подкрепляется обширным фактическим материалом” (с. 403). Посмотрите, как А.Я. Гуревич отнесся к тому, что я пишу о трудовой этике русских крестьян. Он тоже, по его словам, взволнован, но не отвергает, хотя и не принимает сразу моих выводов – он сомневается и размышляет.

Возможно, что вторая причина невнимания к моим аргументам – недостаточное знакомство с книгой. Источниковедческий анализ текста рецензии позволяет мне выдвинуть гипотезу, что оппонент ограничилась чтением введения, первой и заключительной глав; остальные главы бегло пролистала, в лучшем случае познакомилась с их выводами. При таком чтении вникнуть в мои аргумен-

ты трудно. Я, конечно, не могу претендовать на то, чтобы 1130 страниц книги штудировались. Но в противном случае и оценки должны делаться как-то осторожнее и аккуратнее. Ну, как, например, можно заявить: “К сожалению, Б.Н. Миронов, используя инструментарий современной социальной истории, не показал специфику развития России, обращая внимание преимущественно на ее сходство с Западом”, если каждый затронутый в книге институт, процесс, структура рассмотрены в историческом развитии за 200–250 лет на анализе новых источников, с привлечением основной отечественной и зарубежной историографии, т.е. показаны в своей российской специфике? В том случае, если читалась только заключительная глава, где содержатся общие выводы, в которых российская специфика, объективно отраженная в самом исследовании, оказалась несколько в тени, и общая картина предстала до некоторой степени смещенной в сторону общего.

Серьезные претензии предъявлены мне и в отношении методологии. Рассмотрим их по порядку.

Внешние изменения принимаются за процесс (с. 386). Я настаиваю, что все социальные институты и структуры, затронутые в книге, изучены мною в единстве внутренних и внешних изменений. Подробно показано, что социальная структура общества подверглась глубокой внутренней трансформации при внешней малоподвижности. Московское государство было бессловным и бесклассовым. К концу XVIII в. в России в основном сформировались сословия, которые к 1917 г. юридически утратили важнейшие специфические привилегии и превратились в пока еще не полноценные классы.

Прослежено, как в течение XVIII – начала XX в. главные социальные организации населения – сельская и городская общины, купеческие, мещанские, ремесленные и дворянские корпорации – с точки зрения структуры, функций, управления, межличностных отношений, норм жизни с течением времени становились все более рациональными, формализованными, полагающимися в своей деятельности на твердые юридические принципы.

Установлено, что в течение XVIII – начала XX в. у всех сословий, хотя и в разной степени, семья изменялась в направлении нуклеаризации и гуманизации семейных отношений: уменьшалось насилие над слабыми в семье, устанавливался известный контроль со стороны общества и закона за соблюдением интересов женщин и детей.

Показано применительно к каждой крупной социальной группе, от дворянства до крестьянства, как эта группа постепенно раскрепощалась, как крепостничество, пронизывавшее в начале XVIII в. все общество снизу доверху, постепенно к началу XX в. уступало место отношениям, основанным на личной свободе, договоре и признанных законом сначала сословных, а потом и гражданских правах.

Тщательно, шаг за шагом проанализирована эволюция, которую в течение императорского периода испытали город и деревня, в частности, как и почему города из аграрных постепенно превращались в торгово-промышленные, как происходило размежевание города и деревни в административном, социальном и экономическом отношениях, как изменялась социальная и экономическая структура городского и сельского населения.

Обстоятельно изучено, как развивались в XVIII – начале XX в. государственное, уголовное, гражданское и процессуальное право. Прослежены изменения, которые приводили к установлению как власти закона над человеческим произволом, так и превосходства закона над обычаем, к отделению судебной власти от административной, к признанию за каждым человеком равного права на судебную защиту, к росту гражданских прав населения.

Шаг за шагом, с точки зрения легитимности и политических представлений различных социальных групп, роли отдельных государственных структур и сословий, проанализировано развитие российской государственности в XVII – начале XX в., как она из абсолютной монархии начала XVIII в. превратилась в де-юре правомерную монархию во второй четверти XIX в., в де-юре конституционную монархию в 1906 – феврале 1917 г., в де-юре демократическую парламентскую республику в марте–октябре 1917 г.

Столь же подробно изучено взаимоотношение общества и государства и становление гражданского общества от его зарождения в последней трети XVIII в. до возникновения основных его элементов в начале XX в., после установления в России де-юре конституционного строя.

История России вписывается в западные схемы, которым она не соответствует (с. 389). “В ней (России. – Б.М.), – по мнению И.М. Супоницкой, – не развились отличительные признаки Запада: институт частной собственности, право, индивидуализм. Сильная государственность не знала оппозиции церкви и общества, как на Западе, а православная церковь не испытала Реформации. Из-за неразвитости городов и торговли в России оказался малочисленным средний слой – основа демократического общества, включающий наиболее активных граждан. До XX в. в стране вместе с крестьянской общиной преобладали коллективистские ценности, что мешало (и до сих пор мешает) России перейти к обществу нового времени, хотя дважды, в начале и в конце XX в., страна пыталась это сделать” (с. 388).

Во-первых, я не использую никаких схем, а лишь анализирую развитие изучаемых структур и институтов, и если оно напоминает то, что происходило в остальной Европе в более раннее время, я констатирую это сходство. Никакой подгонки и априорности. Ока-

залось в большинстве случаев, что Россия повторяла развитие остальной Европы, в том числе в отношении утверждения приоритета права, института частной собственности и признания гражданских свобод. Кстати, это могло быть результатом того, что российская верховная власть и элита весь период империи тщательно выстраивали развитие страны по западноевропейскому сценарию, и все реформы проводили по западным образцам. Рецензент не приводит данные, которые опровергают такую траекторию социального развития России, и, несмотря на это, данный тезис отвергает.

Во-вторых, у И.М. Супоницкой, мне кажется, есть склонность к графическому мышлению – для нее какой-то признак социальной зрелости общества либо есть, либо нет. И если нет, то Россия – не Европа. Но ведь история – это процесс. Прежде чем на Западе возникло в развитом виде, например, гражданское общество (кстати, по мнению социологов, в некоторых странах совсем недавно – во второй половине XX в.), правовое государство, рынок как регулятор экономики, частная собственность и т.д., прошло много времени. Так и в России. К 1917 г. принципиальные институты Запада в России не достигли зрелости, но все они появились, и я подробно выяснил, как эти институты развивались и каких успехов в своем развитии достигли к концу периода империи.

“В сравнениях с Западом Миронов использует только метод аналогии, не рассматривая специфики, не учитывая разное содержание явлений” (с. 380) Метод аналогии, как известно, состоит в том, что на основе сходства одних признаков сравниваемых объектов делается заключение о сходстве других признаков. У меня же, как правило, сравниваются одни и те же признаки институтов и структур в России и других европейских странах и на основании этого сравнения делаются выводы о сходстве или различии. При этом вывод о сходстве модели и прототипа не распространяется на другие институты и структуры, не участвовавшие в сравнении. Кстати, метод аналогии (при надлежащем его применении) предполагает именно сравнение специфического содержания модели и прототипа.

“Умом Россию не понять, если целью исследователя является терапия, а не истина”, – полагает оппонент (с. 389). Если бы И.М. Супоницкая знала, как можно лечить, не понимая болезни, то это было бы величайшим открытием. Боюсь только, что это невозможно, как изобретение вечного двигателя.

Взгляд на Россию как на страну молодую *“непозволителен”* после того, что случилось в XX в., считает уважаемый рецензент (с. 382). Слово *“непозволителен”* как-то напоминает цензуру. Будем считать это неудачным выражением. Если же по существу, то именно XX в. наиболее выпукло показывает, что Россия – страна молодая, или, как говорят социологи и политологи, страна *“второ-*

го эшелона”, или, как я предпочитаю говорить, европейская страна другого часового пояса, над которой солнце христианской цивилизации взошло на несколько столетий позже, чем над западноевропейскими странами. После известного зигзага Россия вполне возвратилась в европейскую колею развития и буквально повторяет то, что происходило в западноевропейских странах в более раннее время. Да и в советские времена от европейской колеи Россия далеко не отъезжала. В последние 20 лет в западной русистике сложилось целое научное направление, которое находит в Советском государстве элементы паневропейского “социального” государства эпохи пост-Просвещения.

Наконец, последнее замечание оппонента состоит в том, что мое исследование выходит за общепринятые рамки социальной истории: темы государства и права к социальной истории непосредственно не относятся (с. 381–382). Думаю, что и здесь И.М. Супоницкая ошибается. В “Энциклопедии социальной истории Европы” (т. 2) есть специальный отдел “Государство и общество”, в котором рассмотрены те же проблемы, которые анализировал я, – эволюция типов господства, источники и легитимность власти, социальная опора, бюрократия и т.п.⁵ Девиантное поведение и социальный контроль, всегда входившие в предмет социальной истории, невозможно изучать без анализа права.

Итак, я не согласен с оценками И.М. Супоницкой. Но мне приятно констатировать, что наши расхождения касаются в основном оценочных и концептуальных обобщений, а не конкретного анализа, с которым она как будто согласна. Я чрезвычайно благодарен ей. Ее бескомпромиссная критика все равно функциональна: не дает расслабиться.

В другом ключе написана рецензия Л.М. Баткина. Он вступает в диалог: рефлектирует, предлагает решения поставленных мною проблем и задает новые вопросы. Кроме того, он настолько внимательно ознакомился с книгой, что сумел адекватно оценить ее содержание и понять, что книга действительно пытается вернуть России ее историю. Ведь представления о застойности или маятниковости российского исторического процесса до сих пор очень популярны в отечественной и зарубежной историографии.

Мне кажется верным понимание Л.М. Баткиным нормальности применительно к России и вообще к любой европейской стране. Уважаемый коллега артикулировал это точно и в то же время изящно: «“Запад” дает классическую модель, точнее, набор достаточно разных моделей, не будучи, как хорошо известно, идиллически однородным и согласным внутри себя с первых шагов мутации и до наших времен» (с. 395–396). И, на мой взгляд, нормальность и европейскость России следует понимать именно в рамках европейских аль-

тернатив. За 300, а возможно, даже за 1000 последних лет истории ничего не произошло в социальной истории России такого, чтобы не произошло в какой-нибудь европейской стране. С XVIII в. и до 1917 г. Россия во всем мире рассматривалась как неотъемлемая часть Европы; не вышло ни одного учебника по истории Европы, где бы Россия не занимала видного места. После 1917 г. и особенно в период “холодной войны” ситуация изменилась: Россия стала персоной “нон грата” в Европе; последняя же стала идентифицироваться с Западом. Россию стали постепенно от Европы отлучать, в значительной степени потому, что и сама Россия противопоставляла себя Западу.

Положение в последние 15–20 лет стало вновь изменяться, но стереотипы, сложившиеся в период “холодной войны” как в отечественной, так и зарубежной историографии серьезно мешают этому. Конструирование Европы продолжается, и от современных историков во многом зависит, войдет ли Россия в Европу, другими словами, будет ли общественное мнение Европы считать Россию частью Европы или нет. Ведь невозможно признать Россию органической частью Европы, если в самой России в дискурсе о ее цивилизационной принадлежности ее таковой не признают. А европейская самоидентификация, как и признание европейской идентификации России со стороны всего мира, – это принципиально важно для России. Позиция “Одиссея” как одного из авторитетнейших изданий современной России очень важна для историографии. В силу этого и настоящий дискурс о европейскости России имеет большое значение и будет иметь серьезные последствия.

Я вполне согласен с Л.М. Баткиным, что для понимания социальной истории следовало бы призвать русских писателей и публицистов (с. 396). Нельзя сказать, чтобы я этого не делал. Однако меня сдерживало убеждение, что прежде чем обращаться к дискурсу о России, следует в позитивистских рамках и с позитивистской тщательностью понять объект дискурса, конечно, отдавая отчет, что нет объекта без субъекта.

Мне редко приходится общаться с А.Я. Гуревичем, которого я безмерно уважаю и ценю. И я очень рад возможности подискутировать с ним на страницах “Одиссея” – его любимого детища. Начну с того, что мне очень понравился эпиграф (из Бенкендорфа) к его заметкам и название рецензии – остроумно и оригинально, как все, что он делает. Название я понимаю как призыв: пророком можешь ты не быть, профессионалом быть обязан! Это очень актуально для современной России, где так много людей претендуют на роль пророка.

А.Я. Гуревич основное внимание уделил методологическим проблемам. Ему показалось, что я «избрал в качестве орудия синтеза, определяющей идеи исследования, не антропологический ракурс

рассмотрения, но понятие “модернизация”» (с. 399). Концепт модернизации действительно используется, в частности его базисные идеи о направлениях трансформации традиционного, доиндустриального общества в современное, индустриальное. Однако модернизация не смешивается с урбанизацией, как показалось уважаемому рецензенту. К тому же теория модернизации не главная моя исследовательская стратегия, как почему-то некоторым кажется. По крайней мере все главные сюжеты, затронутые в моей книге: государственность, крепостное право, семья, русская община, демография, социальная структура, преступность, общество – изучаются с позиций культурной антропологии. Традиционно российская государственность рассматривалась как система, чуждая интересам народа, крепостное право и община – как институты, принудительно навязанные государством сверху; сельская община считалась одними исследователями социальным атавизмом, другими – высшим социальным достижением русского народа. Получалось, что самодержавие существовало без твердой социальной опоры, в каком-то безвоздушном пространстве, а базисные институты общества были чужды населению. Антропологический подход показал, что монархия, крепостное право и община существовали на протяжении ряда веков потому, что были укоренены в коллективном бессознательном, или в ментальностях, и воспринимались обществом как законные, оптимальные или даже единственно возможные. Я показываю, что действовавшие институты и нормы не являлись внешними, навязанными людям, просто вмененными или приписанными государством или правом; они рождены в ходе взаимодействия всех действующих лиц и являлись по существу договорными (контрактными) отношениями. Крепостное право вводилось государством в своих фискально-полицейских интересах, но в то же самое время и по желанию самого населения, которое вынуждено было платить налоги и повинности за убежавших; передельная община в XVIII–XIX вв. в тех районах, где ее до тех пор не было, вводилась государством в его собственных интересах, но и по требованию бедных и средних крестьян, которые хотели с помощью переделов конфисковать землю у богатых; попытка ограничения самодержавия аристократией при Анне Иоанновне не состоялась прежде всего по требованию дворянства, хотя и претендент на трон против этого не возражала. Социальные институты и сама политика самодержавия были результатом компромисса, “переговоров”, неписаных договоров между различными социальными группами и структурами и соответствовали их интересам. Например, в главе “Главные социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства”, выявлена контрактная сущность институционального устройства крестьянской и городской общины, а также дворянских корпораций, показана заинтересован-

ность всех социальных групп и государства в этих институтах, в силу того что они на компромиссной основе удовлетворяли потребности всех заинтересованных сторон. В книге десятки страниц посвящены выяснению того, что люди думали, как формулировали свои представления о себе, помещиках, монархе, семье, обществе, общине, свободе, крепостничестве, государстве, чтобы понять это коллективное бессознательное, которое определяло их политическое, социальное, экономическое и демографическое поведение.

В то же время я глубоко убежден, что позитивистская парадигма изучения и написания истории не исчерпала себя и у нее есть будущее. В рамках этой парадигмы я пытался учесть и так называемый “спектр социальных времен”, т.е. считался с тем, что на различных уровнях и в различных социальных структурах изменения проходили разными темпами. Было установлено, что глубина общинных отношений и их изживание, переход от обычного права к писаному, изменения в семейной структуре и внутрисемейных отношениях, демографический переход, эволюция политических представлений, секуляризация сознания, перемены в трудовой этике проходили с разной скоростью в среде различных сословий. В результате три главных сословия – дворянство, городское сословие и крестьянство из-за различных темпов социальной динамики в конце XIX в. находились как бы на разных стадиях социального развития и социальной организации, жили в значительной мере в разных социальных, правовых и культурных условиях, несмотря на то что постоянно взаимодействовали и влияли друг на друга. Крестьянство, составлявшее большинство населения, в массе своей проживало в сельской общине, руководствовалось в основном обычным правом, передачу культурного наследия осуществляло устным путем и т.д., т.е. существовало в условиях общности традиционного типа. Городское сословие к началу XX в. в значительной мере изжило общинные отношения, но отдельные его группы – купцы, мещане и ремесленники – в разной степени. Дворянство и разночинная интеллигенция практически не знали общинной организации частной и общественной жизни и в начале XX в. уже жили по законам современного гражданского общества, т.е. в условиях равенства возможностей, приоритета заслуг перед рождением, открытости и социальной мобильности, главенства закона; психологически они были готовы к социальным переменам, к жизни в условиях демократии и разделяли концепцию прогресса⁶.

Разделяю озабоченность глубокооуважаемого А.Я. Гуревича степенью обоснованности моего вывода о позитивной роли крепостного права в процессе модернизации российского общества в период империи. Сознаюсь, и я был крайне озадачен полученным результатом. Но я далек от того, чтобы провозгласить лозунг “Да здравству-

ет внеэкономическое принуждение!»). Дело в том, что принуждение имело экономический и модернизационный эффект на сравнительно коротком промежутке времени – в XVIII – первой половине XIX в. В этот период, с одной стороны, у крестьян не было достаточных ни внутренних, ни внешних стимулов ни к цивилизации (в эллинистическом смысле), ни к модернизации, ни к развитию производства выше потребительско-минималистского предела (удовлетворявшего минимальные биологические потребности). С другой стороны, у государства и дворянства была острая необходимость в модернизации страны и увеличении государственных доходов, а у помещиков также и в росте личных доходов. К середине XIX в. принуждение, во-первых, морально устарело в глазах значительной части русской общественности и самих помещиков, во-вторых, стало малоэффективным средством в чисто инструментальном смысле, что послужило одним из факторов отмены крепостного права.

Не обошел я вниманием и специфический тип отношения к труду, который, совершенно справедливо указывает А.Г. Гуревич, явился одним из важнейших принципов новоевропейской цивилизации. После Великих реформ 1860-х годов, когда внутренние и внешние стимулы появились, а принуждение потеряло смысл, трудовая этика начала постепенно и очень медленно трансформироваться в буржуазную. Более подробно этот вопрос рассмотрен в специальных работах, где, кстати, упомянуто, что в страдную пору крестьяне трудились, не считаясь ни с временем, ни с затратой сил⁷. Я согласен, что при анализе трудовой этики аргументация, опирающаяся только на фольклор, не может считаться достаточной, поэтому использованы другие источники. Однако фольклор, по крайней мере в русских условиях XVIII – начала XX в., на мой взгляд, является важным источником для характеристики трудовой этики.

Упрек в том, что недостаточно внимания уделено той роли, какую играла православная церковь в переустройстве крестьянской и городской жизни в период империи, справедлив, но лишь отчасти. В книге отмечена роль церкви в отмене крепостного права, в развитии сословного строя и уголовного права, в демографических процессах, в эволюции семейного строя и государственности⁸. Конечно, этому сюжету можно было бы уделить и больше внимания. Но боюсь, что тогда бы роль церкви оказалась преувеличенной. Дело в том, что в период империи лидером модернизации в России было государство, а не церковь; последняя выступала скорее фактором *status quo*, а не социальных изменений.

Вполне согласен с А.Я. Гуревичем, что процесс цивилизации определялся прежде всего изменениями в интеллектуальной и эмоциональной жизни людей, в их системе ценностей и диктуемом ею социальном поведении. Именно поэтому проблеме изменения менталь-

ностей, в том числе и под влиянием церкви, уделено достаточно много места⁹.

Остановлюсь еще на одном важном замечании. «Хочет историк того или не хочет, – полагает А.Я. Гуревич, “идеальный тип” – проект исследования – присутствует в его сознании с самого начала. Тот этап истории России, современником коего является автор, не может не создавать перспективы, в которой он рассматривает прошлое. В этом отношении не стоило бы оставлять в заблуждении ни себя, ни читателя» (с. 402).

Я никогда не говорил и не писал, что у меня не было проекта. Проект, конечно, был, как и подробное оглавление с тезисами по каждой главе. В проекте были именно “гнев и пристрастия” из-за отсутствия оптимистической перспективы. Однако содержательные результаты проекта настолько разошлись с тем, как я их представлял до начала работы, что я изменил название, вернее добавил принципиальный подзаголовок, в котором артикулировалась главная, на мой взгляд, тенденция социального развития России в период империи. Оптимистическая перспектива родилась после завершения трех глав, посвященных развитию государственности, гражданского общества и права. До работы над “Социальной историей” этими сюжетами я занимался мало, и мои представления были достаточно стереотипными – правят не законы, а люди, в политическом и гражданском отношении – бег на месте, перманентное подавление обществности, личности и закона и т.п. Изменение взглядов на эти вопросы и создало оптимистическую перспективу всему исследованию. Думаю, что большую роль в укреплении моего исторического оптимизма сыграла проходившая в России перестройка.

В лице М.Ю. Парамоновой моя концепция, а в некоторых случаях и методология встретили серьезного оппонента, с которым интересно и продуктивно дискутировать, что естественно, учитывая ее опыт в методологических и сравнительно-исторических исследованиях. По мнению моего уважаемого оппонента, тезис о европейскости России нельзя считать доказанным, потому что «концепты и понятия, описывающие реалии европейского общества нового времени и средневековья, применяются Б.Н. Мироновым для характеристики реалий русской истории без достаточно убедительного обоснования семантической аутентичности подобного присвоения “имен”» (с. 404, 406).

Правда, М.Ю. Парамонова приводит только один пример такого спорного, по ее мнению, присвоения имен – при использовании понятий “сословие”, а на другие намекает. Боюсь, что уважаемый оппонент не имела возможности внимательно познакомиться с главами “Главные социальные организации крестьянства, городского сословия и дворянства” и “Крепостное право от зенита до заката”. Я не-

присваиваю важным признакам социальных групп сословные названия “самоуправление”, “права, закрепленные в законе”, “сословное самосознание”, “сословная организация”, “внутренняя интеграция”; я маркирую их черты как сословные после тщательного анализа реальных их внутренней жизни. Причем я беру не какие-то произвольные и второстепенные признаки, а именно те, которые считаются в социальных науках признаками именно сословий, а не классов или каст. Другими словами, я сравниваю *идеальный тип* (в веберовском смысле) сословной организации общества с русскими реалиями и только после сравнительного анализа выношу диагноз о сословности.

Идеально-типологический анализ, как известно, – общепринятый методологический прием, введенный М. Вебером. Его сторонников следует отнести не к реалистам, так как они не приписывают общим понятиям самостоятельной онтологической реальности, и не к номиналистам, так как они не утверждают, что универсалии существуют только в мышлении, а с некоторой натяжкой к концептуалистам, так как они полагают, что универсалии воспроизводят объединяемые в человеческом уме (в идеальном типе) сходные признаки единичных вещей.

Вместе с тем я разделяю сомнения оппонента в отношении сословности крестьян, так как тоже считаю крестьянство наименее сословным из всех сословий, т.е. в наименьшей степени соответствующим идеальному типу сословия¹⁰. Согласен и с тем, что мой анализ сословности желательно углубить, показав, в какой степени механизмы и нормы социального поведения, групповой аутентичности и корпоративной солидарности, сложившиеся в Западной Европе, соответствовали принципам формирования групповой и сословной идентичности в русском обществе. Идеально было бы сравнить структуру и функционирование конкретных сословных организаций в России и европейских странах в разные эпохи. Но это специальная и очень сложная задача. И здесь много подводных камней. В частности, сословность российской социальной структуры возникла под влиянием западноевропейских образцов очень поздно – в конце XVIII в., когда на Западе она деградировала, и, возможно, была более похожа не на ту сословность, которая была в классическом Средневековье, а на умирающую сословность XVIII в.

Аналогичным образом я сравниваю *идеальный тип* правового государства с российской государственностью в разные эпохи, *идеальный тип гражданского общества* с реально существовавшим российским обществом, идеального веберовского чиновника с реальными российскими чиновниками и т.д. и делаю вывод о степени приближения российских реалий к идеальному типу. Я обнаружил, что правовое государство сложилось в России к 1917 г. только де-

юре, а не де-факто (между двумя этими состояниями расстояние в несколько поколений); гражданское общество вообще не сформировалось к 1917 г., хотя некоторые его структурные элементы появились в конце XVIII в., а все основные элементы: общественное мнение, независимая пресса, массовые общественные организации и партии, наличие механизма для мирного разрешения социальных конфликтов в виде Государственной думы – к концу периода империи; российский чиновник к 1917 г. сильно приблизился к идеальному типу, но все же был от него еще на приличном расстоянии.

В силу изложенного мне трудно согласиться с М.Ю. Парамоновой, что я “безоговорочно” принимаю постулат о соответствии российской модели социального развития западной парадигме и что не столько его доказываю, сколько риторически и логически его подтверждаю (с. 403). На самом деле оговорок так много, что некоторым кажется, будто они и сам тезис дезавуируют. Кроме того, книга великовата, чтобы служить только цели презентация символа веры. В ней много фактов, которые доказывают соответствие российской модели социального развития европейской.

Мне представляется продуктивным предложение М.Ю. Парамоновой – известного знатока средневековой религиозности в России и на Западе заменить мое весьма краткое, в несколько фраз, описание русской народной религиозности¹¹, полным и всесторонним анализом, включив в него исследование таких проблем, как методы воздействия церковной культуры на социальное сознание, содержание и смысл религиозного наставления, исходящего со стороны духовенства, степень дисциплинирующего влияния этического кода церковной культуры на стихийно формирующиеся нормы традиционного поведения, рациональный и последовательный анализ системы отношений между церковной и традиционной культурами в России. Особенно нуждается в объяснении следующий факт: как при формальной, поверхностной, пронизанной суевериями религиозности подавляющей части крестьянства, вся крестьянская жизнь оказалась подчиненной нормам церковно-православного учения.

Второе принципиальное возражение М.Ю. Парамоновой состоит в том, что для доказательства европейской идентичности России автор использует уязвимые “логические подпорки” (с. 407–408).

(1) «Автор практически приравнивает две логические оппозиции: “традиционное общество – современное общество” и “средневековое европейское общество – современное европейское общество”». Действительно в теории модернизации указанные две логические оппозиции приравниваются, можно сказать по умолчанию. Кто пользуется концептом “модернизация”, вынужденно делает то же самое.

(2) «Европейское средневековье вовсе не было, как полагает Б.Н. Миронов, всего лишь колыбелью “модернизма”, его детством

и инкубационным периодом». То, что европейское средневековье – это совершенно конкретный, локально, хронологически и типологически поддающийся описанию феномен, не противоречит тому, что оно – колыбель “модернизма”. На этот счет в социальных науках есть разные точки зрения, и точка зрения уважаемого оппонента не является и не может быть нормативной.

(3) «“Европейская” парадигма, заданная началом русской истории, тем более отождествляемая с “византизмом”, вызывает сомнения». Европейские корни русской истории, соотношение “европейской” и “византийской” традиций и степень включенности Древней Руси в круг последней – спорные проблемы. Дискуссия по ним никогда не закончится уже только по недостатку источников и глобальности проблемы. Каждый исследователь всегда будет принимать индивидуальное решение, основанное в значительной степени на интуиции, интеллектуальной ориентации, самоидентификации и вере. Как сомнения оппонента, так и мое мнение одинаково уязвимы, но имеют право на существование.

Должен также заметить, что рецензируемая книга посвящена новой и новейшей истории, в то время как сомнения, высказанные М.Ю. Парамоновой, по большей части относятся к более раннему времени. Я не мог с той же полнотой и тщательностью, как это сделано для периода империи (хотя и это, конечно, нельзя считать исчерпывающим), рассмотреть затронутые мной проблемы за 1000 лет российской истории. Поэтому пользовался работами моих коллег, где нет ясности ни по одной из затронутых уважаемым оппонентом проблеме. Что же касается XVIII–XX вв., то в этот период Россия, на мой взгляд, несомненно повторяла развитие остальной Европы уже потому, что верховная власть и российская элита, как уже говорилось выше, весь период империи тщательно выстраивали развитие страны по западноевропейским образцам. Но я согласен, что три принципиальных вопроса: (а) был ли российский доимперский социум вариантом европейского социума, (б) явился ли он колыбелью российского модернизма периода империи или нет, (в) следовала ли Россия в течение двухсотлетнего периода империи по европейской траектории в соответствии со своими внутренними интенциями или по воле верховной власти и элиты – остаются дискуссионными и, думаю, навсегда таковыми останутся. Как всегда, спорными останутся и любые оценочные и концептуальные обобщения.

(4) “Неясно соотношение процессов европеизации и модернизации” применительно к России. Мой анализ показал, что европеизация и модернизация применительно к России периода империи означали одновременно и активное усвоение европейских образцов, и все более последовательную реализацию исходной, европейской по существу, культурной матрицы, а в некоторых отношениях и попыт-

ку привить институты и структуры европейской культуры на российском теле.

Теперь о двух конкретных замечаниях М.Ю. Парамоновой. По ее мнению, «магия слов и соблазн уподобить явления с помощью единых понятий приводят и к совсем курьезным последствиям, в частности, автор полагает, что “крепостное право” и “передельная община” были в равной степени свойственны и европейскому и русскому обществу в период, предшествовавший полноценной модернизации» (с. 405). Уважаемый оппонент вслед за А.Я. Гуревичем считает, что в средневековой Европе не было крепостничества, так как несвобода в то время не имела ничего общего с бесправием раба или крепостного: зависимое крестьянство не было бесправно, его отношения с господином регулировались обычаем, пользовалось элементами самоуправления¹². Должен заметить, что эту точку зрения разделяют далеко не все историки, в том числе и те 170 ведущих экспертов по социальной истории из Европы и США, которые участвовали в фундаментальной “Энциклопедии социальной истории Европы”¹³. Их точка зрения мне представляется достаточно убедительной потому, что российские крепостные крестьяне (помещичьи, государственные, удельные и другие категории) даже в апогей крепостничества не были совершенно бесправными, их отношения с господином так же регулировались обычаем, а с XVIII в. и законом; они пользовались самоуправлением, имели некоторые гражданские права (заключали сделки, платили налоги, призывались в армию, приносили клятву верности при восшествии на престол императора), но они признаются крепостными. Что касается эксцессов и злоупотреблений крепостным правом, то ведь они встречались и на средневековом Западе¹⁴.

Теперь о передельной общине. В данном случае уважаемый оппонент, по-видимому, несколько вольно интерпретирует одну мою фразу: “Даже такие институты, как общинная собственность и переделы, были известны во многих европейских странах в средние века, а в некоторых регионах Австрии, Германии бытовали еще в XVIII – начале XIX в.; в Норвегии общинная собственность дожила до наших дней”¹⁵. Здесь речь идет только об общинной собственности и переделах, причем не как об общеевропейском феномене, а как об институтах, встречавшихся и в других, кроме России, обществах. Например, переделы отмечены в Дании, Германии, Англии, Венгрии, Галиции, Польше, Молдавии, Румынии и др.¹⁶; общинная собственность была распространена в еще большем числе социумов.

В целом должен признать, что диалог с М.Ю. Парамоновой получился для меня очень полезным, интересным и конструктивным. Так бывает всегда, когда неидентичное мнение другого признается за равное с собственным.

Пожалуй, ни с одним рецензентом (а мне известно, что свое мнение о книге печатно высказали более 70 человек) у меня не было такого взаимопонимания как с А.Б. Каменским. Особенно мне импонирует, что он разделяет мое “негативное отношение к широко распространенным представлениям об исключительности русской истории, в том числе о ее исключительной трагичности”, что он правильно понимает, что я имею в виду под “нормальностью”, хотя, я согласен с ним, само слово требует описания “нормы”, что он, подобно мне, видит поступательное развитие русской государственности в направлении правового государства, а русского общества – в направлении гражданского общества. И все же по некоторым второстепенным, на мой взгляд, вопросам у нас – и слава Богу! – есть расхождения.

“Книга в действительности оказывается методологически устаревшей, – считает он, – ибо, несомненно, написана в рамках традиционной для русской историографии позитивистской парадигмы” (с. 412). Не думаю, что позитивизм устарел. Вышел из моды – да. А это не одно и то же. Большинство современных историков (в мировом масштабе, включая и Запад) работают в рамках позитивистской парадигмы. Уверен, что каждый хороший историк любой интеллектуальной ориентации, включая и культурного, или социального, антрополога, должен быть также и позитивистом. Постмодернизм обогатил методологию истории, но вытеснить позитивистскую методологию ему оказалось не под силу. Но и на постмодернизм мода проходит.

Также вышла из моды, но не потеряла своей актуальности в современной социальной науке и теория модернизации, которая отнюдь не является позавчерашним словом ни западной социологии, ни западной славистики. Хотя теория была разработана в 1950–1960-е гг., она интенсивно развивалась в 1970–1990-е гг. и в современной социологии в обновленном виде занимает важное, хотя и не доминирующее, как прежде, положение, сосуществуя с другими теориями. Многие современные социологи считают, что усовершенствованная теория модернизации дает исследователю ориентиры для объяснения процессов, происходящих как в прошлом, так и в настоящем. Не только российские, но и западные историки достаточно активно используют теорию модернизации.

К моему сожалению, и А.Б. Каменскому “резко бросается в глаза заданность” (с. 410). Значит, что-то в этом упреке все-таки есть, хотя мне кажется, что работал я без заданности. Остается предположить, что известная доля априоризма присутствовала у меня на бессознательном уровне.

Несколько слов к вопросу, который так волнует А.Б. Каменского, об исключении из истории индивида как неизбежном следствии

обобщения. Дело, думаю, не в обобщении, а в методологии изучения того или иного предмета и объекта. Социальная история по определению более равнодушна к индивиду как таковому (я имею в виду не только Иванова, Петрова или Сидорова, но также и Цезаря, Наполеона или Сталина), чем традиционная событийная, по преимуществу политическая история. Социального историка интересуют массы, а индивиды – как иллюстрации массы. Напротив, традиционную историю больше интересует отдельный человек, а массы – как приложение его силы и воли или как среда, в который он действует и которая оказывает на него влияние. Мне, например, социальная история нравится больше именно потому, что в ней меньше субъективизма, больше объективности; ее выводы мне представляются надежнее, убедительнее и весомее. На мой взгляд, выпускать на социальную сцену отдельного человека опасно – в большинстве случаев он говорит за себя и от себя, и есть вероятность его частное мнение принять за голос социальной группы, сословия или класса, чем социальная история в первую очередь интересуется. Поэтому я редко работаю с индивидуумами. Но это не значит, что социальный историк не чувствует индивида, его потребности, желания, интенции. Например, благодаря большому опыту работы с цифрами, я и через цифру, которая отражает массу, чувствую отдельных людей так же явно, как если бы читал о них какой-нибудь нарратив. Тому, кто боится потерять в толпе индивида, социальной историей заниматься некомфортно и, возможно, противопоказано. Наоборот, кому неуютно и трудно работать с индивидом из-за непредвиденности его поведения, тот охотно занимается социальной историей. Таким образом, область, которую выбирает исследователь, – это дело склонностей и выбора. Каждая сфера историографии по-своему искушает и таит угрозы. Как говорит былина об Илье Муромце: “Во дороженьку-ту ехать – убиту быть, во другую-то ехать – богату быть, да во третью-ту ехать – женату быть”.

Меня, как моего уважаемого коллегу, волнует вопрос: «Стоит ли вообще пытаться создать универсальную, всеобъемлющую концепцию социальной истории России, зная, что уже созданная с такими усилиями концепция будет пересмотрена под влиянием новых данных, а ее построение возможно лишь путем “спрямления” истории за счет индивидуального?» (с. 415). Но если у А.Б. Каменского на этот вопрос нет однозначного ответа, то у меня есть – стоит! Создание такой работы не повредит ни ее автору, ни ее читателю. История, как ни обидно, фрагментируется. Обобщающие работы при всей ограниченности возможностей отдельных авторов выполняют необходимую интегрирующую функцию в науке, без них историки перестанут друг друга понимать и друг другом интересоваться. Нельзя забывать, что мы вооружены мощным оружием, которого

не было у наших великих предшественников – компьютером и интернетом. Наконец, могут быть подготовлены хорошие коллективные работы, вкус к которым в советское время был отбит принуждением и диктатом редакторов и директивных органов, по заданию которых обобщающие труды, как правило, и писались. Но на Западе коллективные работы успешно создаются, как об этом свидетельствуют, например, “Энциклопедия социальной истории Европы” или “Социальная история Великобритании”¹⁷.

“Любая претендующая на универсальность объяснительная схема русской истории, – немного ностальгически говорит А.Б. Каменский, – оказывается крайне уязвимой... Должно существовать по меньшей мере несколько не исключających, но дополняющих друг друга научно обоснованных версий русской истории, ни одна из которых не может, как бы ни хотелось этого ее автору, претендовать на абсолютную истинность” (с. 416). Совершенно согласен с уважаемым коллегой, что пророками хочется быть многим, но время их, как кажется, прошло.

В заключение выражаю искреннюю признательность всем участникам дискуссии за интересный, полезный и конструктивный для меня, а, возможно, и для других разговор. “Одиссей” – это не “Школа злословия”. Оказаться в компании острых, пронизательных, принципиальных и в то же время доброжелательных критиков – это большое удовольствие, участие в такой дискуссии повышает уровень адреналина в крови, волнует и стимулирует.

¹ Здесь и далее указывается стр. из “Одиссея” за 2004, где опубликованы рецензии. См.: История России: QUO VADIS? // Одиссей. Рыцарство: реальность и воображаемое. М., 2004. С. 378–422.

² См., например: *Арановский К.В.* Государственное право зарубежных стран. М, 2000. С. 460–467.

³ *Бенда-Бекманн К.* Правовой плюрализм // Человек и право: Книга о летней школе по юридической антропологии. М., 1999; *Ковлер А.И.* Антропология права. М., 2002.

⁴ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: 3-е изд. СПб., 2003. Т. 2. С. 524.

⁵ *Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000 / Ed. Peter N. Stearns.* N.Y., 2001. Vol. 2. P. 439–553.

⁶ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. Т. 2. С. 291.

⁷ *Миронов Б.Н.* “Послал Бог работу, да отнял черт охоту”: Трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 243–286; *Он же.* “Всякая душа празднику рада”: Труд и отдых в русской деревне второй половины XIX-начала XX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков / Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 1999. С. 200–210.

-
- ⁸ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 98–110, 160–167, 327–344, 363–365, 382–384, 453–456, 474–479; Т. 2. С. 326–332.
- ⁹ Там же. Т. 1. С. 327–344.
- ¹⁰ Там же. С. 141.
- ¹¹ Там же. Т. 2. С. 301.
- ¹² Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. М., 2003. С. 243–244.
- ¹³ Encyclopedia of European Social History from 1350 to 2000. Vol. 2. P. 369–388. См. также: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005. С. 277.
- ¹⁴ См. например: *Блок М.* Феодалное общество. М., 2003. С. 259.
- ¹⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. Т. 2. С. 300.
- ¹⁶ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1 / Отв. ред. З.В. Удальцова. М., 1985. С. 104; Там же. Т. 2 / Отв. ред. М.А. Барг. М., 1986.. С. 481; *Blum J.* The End of the Old Order in Rural Europe. Princeton, 1978. P. 123–124; *Idem.* The European Village as Community: Origins and Functions // Agricultural History. 1971. Vol. XLV. См. также: The Peasantries of Europe: From the Fourteenth to the Eighteenth Centuries / Ed. T. Scott. Oxford; Cambridge (Mass), 1998; *Rösener W.* The Peasantry of Europe. L.; N.Y., 1994.
- ¹⁷ Cambridge Social History of Modern Britain 1750–1950 / Ed. F.M.L. Thompson. Cambridge, 1990. Vol. 1–3.